

избежать клейма «оккупант» и не получить позорный статус «не гражданин», необходимо демонстрировать знание национального языка и быть сверхлюбяльным в оценке политической и иной деятельности современных национальных властей. С другой стороны, происходит беспринципное приспособление к окружающей социально – политической среде, к сложившимся условиям жизни ради достижения каких-либо выгод. Например, всем известно, что занятие проституцией – это путь на «дно» жизни. А быть дорогой валютной проституткой – это путь к «элите». Кстати, как показывают социологические опросы среди старшекласниц, этот вид деятельности для них социально значим и предпочтителен среди других. Это объясняется тем интересом, который проявляют и поддерживают средства массовой информации к тем известным персонам, которые этот путь прошли, формируя в общественном сознании представление о социальной успешности и такой ценой.⁷

В современной политической практике социальная мимикрия выступает достаточно распространённым приёмом, при создании имиджа того или иного политика или депутата в ходе предвыборных компаний. Создание образа «своего парня» – беспроектный вариант для удовлетворения ожиданий и притязаний электората, для завоевания поддержки масс, идентифицирующих себя с этим лидером.

Мотивы, побуждающие личность вместо борьбы за переустройство мира стать на путь приспособления к нему, могут быть самыми разными: осознание ограниченности своих

возможностей; искреннее принятие существующего миропорядка в качестве единственно возможного; просто желание «плыть по течению», потому что так легче. Столь же различны и формы такого приспособления: это может быть реальная идентификация с теми, на чьей стороне сила (физическая, экономическая, политическая и т.п.), благодаря чему индивид начинает чувствовать себя сильнее, или иллюзорное чувство свободы, приносимое верой в бога или судьбу, или напряженная внутренняя активность, направленная на самопознание и самосовершенствование, то есть изменение своего внутреннего «я». Развитие личности, её деятельность невозможны без осуществления выбора и идентификации с определенными социальными структурами. Ибо, как известно: «жить в обществе и быть свободным от него нельзя».

1 Маркс К. Энгельс Ф. Капитал. Т.1. Соч. Т.23. С. 62.

2 Х.Ремшмидт Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. Пер. с нем. – М. Мир. 1994. С. 95.

3 Erikson E.H. Childhood and society. New York. Norton. 1963. P. 259.

4 Там же. Erikson, 1963, p. 261.

5 Erikson E.H Identity: Youth and crisis. New York. Norton. 1968. P.290.

6 Рюриков Ю. По закону Тезея. Мужчина и женщина в начале биархата. // Новый мир 1986, № 7. С. 187-188.

7 См. Робски Оксана День счастья - завтра. Москва. «Росмэн». 2005.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

О.В. Петрик

**Петрик
Ольга
Викторовна**
аспирант
Института
философии
и права
УрО РАН

В традиции отечественной философской мысли проблема человека всегда оставалась на переднем плане. Более того, всю отечественную философию можно назвать антропоцентричной, выстроенной вокруг проблемы человека, смыслов его существования и поступков. Так, например, русский философ Н. А. Бердяев писал о своей философии так: «В центре моего философского творчества находится проблема человека. Поэтому вся моя философия в высшей степени антропологична. Поставить проблему человека – это значит поставить проблему свободы, творчества, личности, духа и истории» [Н.А. Бердяев Моё философское мирозерцание // Б.В. Емельянов Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, Г.Г. Шпет. Екатеринбург. 2005. с. 25].

Поставленные русской философией проблемы непременно, так или иначе, имели выход на антропологические вопросы. Действительно, человек как микрокосм, в котором заключено отражение высшего божественного порядка, носит в себе отличающее его от других существ свойство – способность к творчеству, созиданию себя и этого мира. Подобно творцу, человек создает условия для своего существования и осознает себя в мире через созданные им вещи и явления. Поэтому, что бы ни становилось предметом рассмотрения философа, это всегда касается человека, так как только для него и во имя его создаются философские системы, вырабатывающие способы адекватного познания и самопознания человека.

Одной из областей философии, вырабатывающей способы познания человека, является философия истории. Философия истории стремится раскрыть смысл истории через смысл жизни каждого отдельного человека. Только через постижение универсальной взаимосвязи деятельности человека во времени, в прошлом, настоящем и будущем, история обретает смысловую завершенность и целеполагание.

Исследуя закономерности исторического процесса, тенденции, схемы развития и методы познания истории, философия истории, в зависимости от специфики рассматриваемой проблематики, распадается на различные концептуальные модели, в которых раскрывается многообразие проявлений научно-исследовательской практики осмысления истории. Так, в современной научной литературе выделены следующие типы теоретических конструкций постижения истории, это:

- метафизическая модель философии истории, освещающая онтологическую проблематику, заключающую в себе такие проблемы, как логика, закономерность, процессуальность исторического развития, смысл истории и т. п.;

- эпистемологическая модель философии истории, где рассматриваются проблемы эпистемологии, методологии, понимания, объяснения, интерпретации исторических фактов и исторических источников, вопросы истины и т.д.;

- антропологическая модель философии истории, осуществляющая попытку соединения двух предыдущих моделей через перенесение указанных проблем в поле вопросов человеческого бытия и сознания. Основными категориями данного теоретического конструкта философии истории становятся «ментальность», «картина мира», «история повседневности», «культур-антропология», «микрокосм» и «макрокосм», «тотальность» и др. [Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи. Екатеринбург, 2000. с. 29-30].

Антропологическая модель философии истории раскрывает для нас суть русской философской традиции, которая воплощает в себе все богатство

рассматриваемой проблематики, развёрнутой в сторону извечных человеческих вопросов, таких как: жизнь и смерть, свобода и необходимость, смысл жизни и др. Историческая антропология как направление философской мысли формирует особый способ мышления, давший начало научной и философской парадигме исследования прошлого и современности, которая ставит в центр своего внимания человека как основную исторически действующую причину.

Рассмотрим в качестве примера данной модели такое направление отечественной философской мысли как историческая антропология.

К началу XX-го века историческая наука подошла к осознанию неадекватности результатов своих исследований запросам времени. В ситуации поиска путей методологического обновления здания своей науки, историков привлекли разработки антропологов. Их метод целостного видения объекта исследования на материале исследований жизни примитивных сообществ, включая быт, нравы, религию, ритуалы, труд, празднества, торговлю, родственные отношения и т.д. в единстве и взаимосвязи, в противовес традиционной процедуре разделения истории на составляющие: политическую, социальную и т. д. истории, оказался весьма привлекательным. Историкам, изучающим сложные и динамичные социальные системы во времени, применение методов антропологии в исторической науке открывало новые горизонты в их исследованиях. А.Я. Гуревич – основатель школы исторической антропологии в нашей стране, определил историческую антропологию как одно из наиболее перспективных направлений современного гуманитарного знания.

На наш взгляд, историческая антропология – это социально значимая научная дисциплина, в рамках которой человек изучается посредством тотального анализа его взаимодействия с социальным окружением, преломленным в ментальных пред-установках его сознания.

Историческая антропология – это одновременно и философская дисциплина, которая на основе такой философской категории как ментальность, пытается философски, то есть, исходя из предельных оснований, осмыслить существование человеческого общества в его целостности, вскрыть глубинные структуры, существующие в течение больших временных отрезков времени, которые подспудно определяют жизненные стратегии как общества в целом, так и его отдельных индивидуумов.

Историческая антропология на философской же основе взаимодействует и осуществляет уникальный комплексный синтез методологий, подходов, взглядов и наработок других смежных дисциплин, вырабатывая, таким образом, целостный взгляд на предмет своего исследования. Анализ истории под углом зрения антропологии стал не просто формальным расширением предметной

области исторической антропологии, но сложным процессом интеграции исторической науки и антропологии, в рамках которого потребовалось переосмысление выработанных антропологией понятий и методов, которые историческая наука заимствовала у последней.

Историческая антропология, рассматривая исторический процесс с философских позиций, выступает для нас в качестве философии истории, которая составной частью входит в пространство общей философии как системы философских учений и взглядов на мир. Историческая антропология как философское направление отечественной мысли вплетается в структуру родственных по духу исследований других областей философского знания, расположенных на линии исторической последовательности во времени. Анализ соотношения исторической антропологии и других философских направлений мысли на оси времени выводит исследование исторической антропологии в сферу истории философии. Поэтому историческую антропологию можно изучать, применяя к ней историко-философские методы, такие как метод генезиса методологии, метод теоретического синтеза, метод персонологии и др.

Историческая антропология является своеобразной моделью исторического развития на основе междисциплинарного подхода к истории, которая осуществляет внутри себя уникальный синтез различных философских взглядов и концепций человека, рассматривает его назначение и роль в истории через призму ментальности.

Ментальность как квинтэссенция человеческого сознания, взятого в конкретике объективных условий, времени и места его формирования, представляет собой неотрефлексированную сторону культуры, составляет человеческую мысль, взятую на уровне коллективных представлений, индивидуального и коллективного опыта, определяющего поведение и стиль мышления. Данное понятие является основной категорией и инструментом анализа исторических явлений, как субстрат междисциплинарного характера исторической антропологии. Именно в понятии ментальности так уникально сплелись представления социологического, политологического, аксиологического, экономического, морально-нравственного, духовного, культурного и иных аспектов жизни человека и общества. Можно сказать, что ментальность является своего рода платформой для исследований междисциплинарной направленности.

В силу своего междисциплинарного характера историческая антропология, осуществляя синтез наук, неизбежно попадает в сферу философского осмысления своего места среди других наук и областей знания, собственной сущности, цели и задач, то есть производит метарефлексию. Процесс самоопределения области знания в поле

междисциплинарного напряжения – это проблема, которая обречена на философствование, ведь вопрос о том, на каком основании произведён этот синтез, является, по сути, сугубо философским – это сфера саморефлексии науки.

Осмыслению феномена исторической антропологии как особого философского направления посвящено очень мало работ. Среди исследователей, применивших историко-философский подход к анализу исторической антропологии, можно назвать Копосова, М.М. Кромма, О.В. Сарпову и В. Феллера. Тем не менее, можно констатировать отсутствие цельных и завершённых работ на эту актуальную в теоретическом и в практическом планах тему. Данный факт обусловлен тем, что историческая антропология как направление философской мысли ещё мало изучена именно с философских позиций, невзирая на тот факт, что его существование измеряется не одним десятиком лет.

Сугубо философский подход к проблеме исторической антропологии хоть и не является уже новым, требует, однако, особого внимания. Историческое познание как специфическая область миропознания в исторической ретроспективе только тогда может заявить о собственной идентичности, когда со всей очевидностью покажет свою специфичность и необходимость этой специфичности. Иначе, историческое познание всегда может быть сведено к другим формам познания. Ведь, именно, такая постановка проблемы осветила с необходимостью в своё время потребность разделения «наук о духе» и «наук о природе». Решение данной проблемы возможно только на базе соответствующих философских предпосылок. Поэтому взаимодействие философии истории в целом и исторического познания в частности, правомерность обращения к истории именно с философских позиций, необходимость обоснования значимости и специфичности исторической антропологии как особой формы исторического познания обусловлены характером общеполитических оснований. Данными основаниями могут выступать такие философские категории, как: индивидуум, время, процесс, субъект, взаимодействие и т. д.

Антропологический подход во многом способствовал изменению проблематики исследования. Новый принцип описания исторической объективности, применённый в исторической антропологии, основывается на признании субъективного характера деятельности исследователя, обладающего комплексом философских представлений о себе, о мире, о своём месте в этом мире и о специфике своей деятельности. Результаты его деятельности формируют общую интеллектуально-философскую атмосферу – место творчества, взаимодействия и взаимовлияния других исследователей, также обладающих определёнными философскими

установками. Они обмениваются знаниями как плодами индивидуального освоения и осмысления объективной информации. Прочтение авторского текста всегда начинается с подспудного анализа предельных, то есть философских основ мышления исследователя, выраженных в форме идей, концепций, теорий. Данные основы предопределяют выбор предмета и способов исследования, постановки цели и задач, накладывают отпечаток на конечные результаты работы. Таким образом, применение историко-антропологического подхода к объяснению исторических событий с необходимостью вторгается в сферу чистой философии.

В 1984 году термин «историческая антропология» впервые стал известен отечественной научной общественности благодаря Арону Яковлевичу Гуревичу и его работе «Этнология и история в современной французской медиэвистике» [Гуревич А.Я. Этнология и история в современной французской медиэвистике // Советская этнография. 1984. № 5. с. 36-48.]. Историк-медиэвист, собственные научные изыскания которого были весьма близки школе «Анналов» - родоначальнице исторической антропологии, стоял у истоков появления исторической антропологии в нашей стране.

В начале 90-х Гуревич говорил об общем кризисе отечественной истории, об утрате международных позиций советской историографии и причины этого видел в том, что ««борьба с буржуазной историографией», ограничивающаяся отвержением, по сути дела, всего, что создано за рубежом, и наклеиванием «ярлыков», принесла горькие плоды: научное сектантство неизбежно повлекло за собой игнорирование достижений мировой науки и отставание от её уровня» [стр. 501-502]. Поэтому возрождение и возврат исторической науки в лоно мировой науки, по его мнению, возможен посредством освоения и философского осмысления знаний, накопленных зарубежной наукой за годы советского «железного занавеса». Одним из путей обновления отечественной науки стала историческая антропология как новое направление научной мысли, качественно по-новому организующее мыслительную деятельность исследователя, процесс исследования исторического материала и постановку задач.

По его мнению, претерпевшая глобальные методологические изменения историческая наука должна воплотиться в новом исследовательском жанре исторической антропологии, как жанре, способном дать ответы на вопросы, поставленные современностью. Основные положения, принципы и задачи этого нового для нашей страны направления Гуревич изложил в своей программной статье «Историческая наука и историческая антропология» в 1988 году.

Понимание Гуревичем сущности исторического знания как важнейшего аспекта самосознания

общества заставляет его говорить о том, что «пробуждение гражданских чувств у наших соотечественников вполне естественно сопровождается интенсивным поиском корней» [Февр Бои за историю // А.Я. Гуревич «Уроки Люсьена Февра» стр. 501]. Появление исторической антропологии в нашей стране было связано с возобновлением дискуссий по проблемам методологии истории, к участию в которых привлекались не только историки, но и философы. Данные дискуссии были для своего времени настолько же актуальны, насколько и небезопасны, так как методология истории отождествлялась исключительно с историческим материализмом. Любые разговоры на эту тему считались бессмысленными.

Попытки философского позиционирования отечественной исторической мысли на сцене мировой историографии и философского знания путём выявления корней исторического знания, отличительно характеризующих отечественную историческую науку до момента её столкновения с марксистско-ленинской доктриной, явилось, по сути, поиском идентичности или философской саморефлексией отечественной историографии на фоне открывающегося «железного занавеса».

Не избежала этой участи и отечественная историческая антропология. Несмотря на тот факт, что сама историческая антропология появилась в нашей стране как иностранное нововведение, оказалось, что и у нас, практически параллельно развитию данного направления во Франции шла исследовательская работа в данном исследовательском поле. Так, например, известный во всём мире учёный Михаил Бахтин в своих трудах разрабатывал проблему диалога как теорию герменевтического понимания, вопрос различия позиций автора и читателя как проблему Другого и др. Более того, он не только знал об основоположниках исторической антропологии и их трудах, но и полемизировал с одним из них, Февром, по поводу его работы о Франсуа Рабле. Благодаря работам Бахтина в исторической антропологии диалог становится основной процедурой установления отношений между современностью и прошлым, где обращение к иным эпохам открывает возможность познания собственного своеобразия.

Московско-тартуская школа предложила собственное видение истории как процесса коммуникации, в котором основная роль отведена знаку. В этом смысле текст для представителей этой школы является отражением субъективного авторского взгляда на происходящие события, в котором находят своё отражение воззрения эпохи. Способы работы с материалом (структурный метод, процедура семиозиса, процедура семиотической реконструкции текста и др.), а также оригинальные наработки московско-тартуской

семиотической школы создали её неповторимый облик, позиционировали её на научной мировой арене как самостоятельное научное сообщество и направление исследований. Кроме этого, прочное место среди теоретических оснований исторической антропологии обрела и историческая психология. Гуревич обосновывает её место среди истоков исторической антропологии так: «Исследователь, желающий постигнуть действительную динамику исторического процесса, должен задуматься над тем, как в каждом конкретном случае изученная им общественная жизнь отражалась в головах людей, откладывалась в их понятиях, представлениях и чувствах, как, подвергшись соответствующему субъективному преобразованию, эти факторы предопределяли поступки людей, побуждали отдельных индивидов, а равно социальные группы и массы совершать те или иные действия» [Гуревич А.Я. Некоторые аспекты изучения социальной истории (общественно-историческая психология). – с. 55 // Вопросы истории 1964. № 10].

Идеи Бахтина, исследования московско-тартуской школы и наработки исторической психологии легли в основу теоретического конструкта отечественной исторической антропологии, определив её специфическое своеобразие, отличие от мировых аналогов. Обладая уникальными чертами, такими как: особый категориальный аппарат, методологический инструментарий и теоретический базис, историческая антропология оформилась в отечественную школу философской мысли.

Говорить об отечественной исторической антропологии как о школе нам позволяет ряд фактов. Во-первых, в нашей стране у данного направления существует явный лидер – Арон Яковлевич Гуревич как основоположник и как руководитель. «Антропологический переворот», произведённый Гуревичем в отечественной исторической и

философской мысли, положил начало научным исследованиям в истории, ориентированным на человека, активному сотрудничеству с западными учёными, преодолению, так называемого «железного занавеса». Во-вторых, у этого направления существуют последователи, среди которых можно назвать Н.И. Данилевского, В. Шкуратова и ряд других известных деятелей. В-третьих, в русле историко-антропологических исследований в нашей стране под руководством Гуревича и его соратников (Л.И. Бессмертный, Л.П.Репина, М. Баткин) был защищён ряд диссертационных работ, то есть можно говорить об учениках этой школы. В-четвёртых, на базе исторической антропологии были созданы исследовательские и учебные центры по всей стране занимающихся преподаванием и разработкой данного направления. В-пятых, подобно школе «Анналов», у отечественной школы исторической антропологии есть свой печатный орган – ежегодный альманах «Одиссей», на страницах которого освещаются проблемы, вопросы, новые темы и прогнозы развития исторической антропологии у нас и за рубежом, печатаются тексты классиков исторической антропологии. В-шестых, у школы существует собственная методология исследования, категориальный аппарат и множество новаторских исследовательских работ в данной области, получивших высокую научную оценку в мире. В-седьмых, у исторической антропологии как школы отлично налажены контакты с аналогичными научными сообществами во всём мире, образующими мировую школу исторической антропологии. Всё это позволяет нам говорить об отечественной исторической антропологии не только как о школе, получившей мировую известность благодаря своим работам, контактам, но и как о научном сообществе, обладающим самобытным характером.